

50.
А. Ф. ДАМАНСКАЯ.

Нарточные домики совѣтскаго строительства.

BERLIN
1 9 2 1

А. Ф. ДАМАНСКАЯ.

**Карточные домики
совѣтскаго
строительства.**

**BERLIN
1 9 2 1**

I.

„Они“.

Ухо иностранца или русского человѣка, долго не бывшаго въ Россіи, должно прежде всего поражать теперь одно слово, наиболѣе частое въ современной русской рѣчи:

— „Они“.

Кто это—объяснять не приходится. „Они“ — такъ солдаты на войнѣ называютъ непріятеля, съ которымъ воюютъ. „Онъ“.

Слово это и помимо многообразнаго выраженія, которое вкладывается въ него—оттѣнки его многообразнѣе облаковъ на небѣ, — это цѣлая гамма чувствъ: злоба и страхъ, ненависть и робость, безнадежность и злорадство, покорность и Ѣдкое затаенное глумленіе, это слово „они“ въ себѣ самомъ заключаетъ понятіе о чёмъ-то не нашемъ, намъ чужомъ, болѣе или менѣе далекомъ, враждебномъ. Слово это, какъ бы оно ни произносилось, проводитъ между, раздѣльную полосу, ровъ, пропасть.

По одной сторонѣ, стало быть, „они“, — по другой сторонѣ — мы.

Вы услышите это слово въ устахъ крестьянина, стонущаго подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ и оброковъ. Въ устахъ деревенскихъ женщинъ, у которыхъ заградительные патрули красноармейцевъ отнимаютъ молоко и яйца, привозимые въ городъ.

„Они“ — враги, насильники, невѣдомо для чьего блага, во имя чьихъ интересовъ посягающіе на собственность, за которую крестьянинъ держится также цѣлко и жадно, какъ за жизнь.

Въ самое послѣднее время, впрочемъ, отношенія крестьянства къ „нимъ“ вступили въ совершенно новую фазу. Деревня все упорнѣе и упорнѣе отгораживается отъ города, который воплощаетъ въ его глазахъ это ненавистное слово: „они“. Воплощаетъ приказъ, насилие, именуемое декретомъ.

Деревня враждебно отмежевывается отъ города, отказываетъ ему въ продуктахъ. Деревня вступаетъ въ фазу натурального хозяйства — что упрочиваетъ ея самостоятельность, ея независимость отъ города. — Во многихъ деревняхъ пробуютъ теперь варить мыло, сушить нитки и бичевки изо льна, изъ бичевокъ дѣлаютъ носки для лѣта подметки, пытаются дублить кожу.. — И дѣлается это вполнѣ сознательно, съ цѣлью создать изнутри деревни оплотъ независимости отъ того насилия, которое идетъ изъ города вмѣстѣ съ предписаніями декретами и реквизиціями.

„Они“ — въ устахъ профессора, врача, народнаго учителя, въ устахъ курсистки, и полуголодныхъ, кое-какъ одѣтыхъ, кое-какъ обутыхъ безчисленныхъ служащихъ безчисленныхъ совѣтскихъ учрежденій.

„Они“ — въ устахъ рабочихъ, немногихъ, черезъ пень колоду, дѣйствующихъ еще мастерскихъ и заводовъ, которыхъ насилино, подъ страхомъ лишенія работы и пайка, заставляли голосовать за коммунистовъ на послѣднихъ выборахъ.

„Они“ — въ устахъ художниковъ, писателей, артистовъ, ученыхъ, представителей науки. Два лагеря — „они“ и мы.

И неизбѣжное въ лагерной, въ военной жизни явленіе: сгущенная атмосфера взаимнаго недовѣрія, необходимость быть всегда начеку, всегда насторожѣ, вѣчное ожиданіе какого нибудь подвоха, хитрости, коварства, предательства и насилия.

Это взаимное недовѣріе и опредѣляетъ трагическое положеніе большевиковъ, которые для большинства остаются только чужими, только врагами, для которыхъ одно только наименованіе: „они“.

Это взаимное недовѣріе — благодарная почва для самыхъ фантастическихъ слуховъ, которые все глубже роютъ пропасть между нами и „ними“.

Приведу для примѣра такие случаи.

Въ началѣ зимы прошедшаго года объявился въ Петроградѣ сапъ.

Все, что врачебныя и санитарныя силы города могли сдѣлать въ немыслимыхъ, для какого бы то ни было дѣла, условіяхъ, все было сдѣлано. Сапъ пошелъ на людей. Зарегистрировано было нѣсколько случаевъ на улицахъ, прилегающихъ къ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ было прежде много извоцичъихъ дворовъ и складовъ сѣна и овса. Два, три случая отмѣчено было въ Новой Деревнѣ.

Изолировать больныхъ некуда было. Лечить нечѣмъ было. Пошли слухи о томъ, что больныхъ отравляютъ. — Минъ лично пришлось услышать въ вагонѣ желѣзной дороги, на пути изъ Озерковъ въ Петроградъ, возмущенный разсказъ женщины-врача о разстрѣлѣ нѣсколькихъ, заболѣвшихъ сапомъ, больныхъ. Всѣ слушали, всѣ возмущались. Никому не пришло въ голову усомниться въ правдоподобіи разсказа. — „Они“ — на все способны.

Другой случай. На набережной рѣки Карповки, близъ Каменноостровскаго проспекта, имѣется городской Дѣтскій Домъ. Какой-то скверной снѣдью отравились минувшей зимою дѣти. Нѣсколько умерло. По городу пошелъ слухъ: въ приютахъ кормятъ дѣтей мясомъ павшихъ отъ сапа лошадей. Въ Дѣтскомъ Домѣ на Карповкѣ умерло восемьдесятъ человѣкъ. Ихъ всѣхъ отравили. Трупы свезли ночью за городъ, закопали въ общей могилѣ. Слухъ, въ которомъ была, впрочемъ, значительная доля правды, принять былъ безпрѣрочно. „Они“ — на все способны.

Въ тѣ же дни много говорили въ Петроградѣ о повальномъ вымираніи звѣрей въ зоологическомъ саду. Большевики, такъ говорили по городу, додумались до способа спасти отъ голода тигровъ, медвѣдей и пантеръ. Въ Зоологическій

садъ свозятъ ежедневно тѣла разстрѣливаемыхъ въ крѣпости и въ тюрьмахъ контрѣ-революціонеровъ! — И этотъ слухъ принять былъ без-провѣрочно.

„Они“ на все способны.

Стало, впрочемъ, скоро известно, и известнымъ достовѣрно, что звѣри въ Зоологическомъ саду, тѣмъ не менѣе, все-же вымерли: очевидно, мясо контрѣ-революціонеровъ не пришлось имъ по вкусу.

Но это недовѣріе, это „они на все способны“ и у большевиковъ по отношенію къ намъ, стоящимъ по эту сторону барьера. И въ этомъ трагедія лучшихъ изъ нихъ, тѣхъ немногихъ, исключительныхъ единицъ, которая слѣпо и фанатично слѣдуютъ какимъ-то идеалистическимъ заданіямъ. Это недовѣріе опредѣляетъ выборъ людей, опредѣляетъ перлюстрацію людей, которымъ поручается отвѣтственная работа. Это недовѣріе—экранъ, на которомъ развивается трагико-медія мнимаго строительства большевиковъ. Трагической блефъ.

О томъ, къ чему свелась въ Совѣтской Россіи жизнь города, деревни, о безрадостномъ, убогомъ, звѣриномъ ликѣ этой жизни писалось не мало. Не отмѣчалось, однако, одно и чрезвычайно характерное для Россіи явленіе: приглушенное, вѣрнѣе, заглохшее чувство родины.

„Они“ — не мы. Правительство, которое они собою возглавляютъ, не наше правительство. Ихъ задачи — не наши задачи, не задачи народа въ его цѣломъ, состоящаго не изъ одного какого-нибудь класса, а изъ многихъ слагаемыхъ.

Строй нашей жизни,—если можно назвать жизнью прозябаніе — созданъ не нами. Мы въ немъ не участвовали, нась не спрашивали... Самодѣятельность, иниціатива, свободный починъ — въ деревнѣ также заглушены, какъ и въ городѣ. И отсюда глубокое безразличіе, унылое равнодушіе — у всѣхъ безъ исключенія — къ тому, что происходило, что происходитъ на безчисленныхъ фронтахъ. И какъ знаменательно это равнодушіе, если

сопоставить его съ тѣмъ напряженнымъ интересомъ, съ какимъ слѣдилъ весь русскій народъ за событиями на фронтѣ въ годы войны, отъ 1914-го и вплоть до весны 1917-го года.

Въ массѣ одинаковое равнодушіе — къ побѣдѣ красной арміи, и къ неудачамъ красной арміи. У всѣхъ на устахъ одно тоскливо: „Когда это кончится!“. И убивающее волю къ труду, къ дѣйствію невѣріе: „Это никогда не кончится“.

Потому что смутно самые малосознательные сознаютъ: они — сильны только войной, они — сильны только междуусобицей.

Злорадство, съ какимъ многіе, многіе русскіе люди встрѣчаютъ вѣсть о пораженіи красной арміи, это чувство злорадства ждетъ своего историка, психолога. — Потому что, по истинѣ, жутокъ долженъ быть путь внутреннихъ преображеній у людей для того, чтобы мученическая гибель родныхъ братьевъ могла окрылять какими то надеждами, даровать какія то радости.

Но подойдите къ крестьянину, къ петроградскому мастеровому, къ пригородной крестьянкѣ съ вопросомъ:

— Какова, а? Побѣждаетъ наша красная армія . . . Варшаву взяли! . . . На васъ сперва подозрительно посмотрѣть. Если двое-трое — толкнутъ другъ друга локтями.

— Этотъ куда гнетъ — провокациѣ . . . —

Если не всѣ умѣютъ выговаривать это слово, то всѣ понимаютъ его значеніе. А приглядѣвшись, убѣдившись, что вы не сѣь провокационными замыслами къ нимъ подошли — уныло кивнутъ головой. И вы услышите знакомое, безнадежное:

— Ну, что толку . . . Намъ то что . . . Все одно . . .

Связи между массой, не находящейся на фронтахъ, и той, что за торжество ненавистнаго и не-понятнаго ей коммунизма проливаетъ на этихъ фронтахъ кровь, — связи нѣтъ. Одни дѣлаютъ по принужденію, подъ ножомъ дѣло, чуждое другимъ. Кровной спайки между этимъ дѣломъ и дѣлающими его — нѣтъ. Спайки между той, иной областью совѣтскаго строительства и людь-

ми, насилию втянутыми въ это строительство — нѣтъ.

И оттого бесплодность всякой работы, всякаго начинанія. Ибо въ основѣ всякой работы лежитъ подтачивающее ее въ самомъ корнѣ недовѣріе.

Въ силу этого взаимнаго недовѣрія совѣтская власть вынуждена съ особой осмотрительностью выбирать людей, которымъ поручаетъ отвѣтственную работу, которыхъ ставить на отвѣтственный мѣста. Эти выбираемые люди должны стоять на стражѣ государственного аппарата, дабы онъ не ускользнулъ изъ рукъ въ какой-нибудь неблагоприятный въ политическомъ отношеніи мигъ.

Кому-же можно поручить отвѣтственную работу? Надежнымъ людямъ. Кто они, эти надежные люди? Партийные, свои, коммунисты. А если эти, партийные, свои, коммунисты не обладаютъ необходимой для того или иного дѣла подготовкой? Тогда для того или иного дѣла мобилизуются люди, обладающіе нужной подготовкой, а свои, надежные, партийные люди, приставляются къ нимъ въ качествѣ контролеровъ. Это — стражи государственного аппарата. Этотъ государственный аппаратъ должно неусыпно оберегать отъ вѣчно и трусливо предполагаемыхъ захватовъ со стороны людей, обладающихъ знаніями, опытомъ, сноровкой, трудоспособностью, всѣми, словомъ, культурными орудіями, которыя пріобрѣтались — какъ? Извѣстно — какъ. „Пили нашу кровь... Учились, творили, изобрѣтали за нашъ счетъ, въ то время, какъ мы... Такъ быть же вамъ теперь подъ нашимъ началомъ... Попили нашей крови... Довольно!“ ..

Подъ этими несмыкающимся, недреманнымъ окомъ „своихъ“ вѣрныхъ людей — невѣжественныхъ, въ большинствѣ случаевъ, малограмотныхъ, быстро входящихъ во вкусъ власти, и быстро развращаемыхъ властью, работаютъ учителя, профессора, врачи, инженеры, художники, артисты, писатели. Подъ гнетомъ диктатуры двухъ-трехъ надежныхъ людей работаютъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ сотни, тысячи людей.

Какая тутъ благодарная почва для шпиона, навѣтовъ и доносовъ — представить себѣ не трудно.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей Ленинъ сдѣлалъ внушительный наказъ: „Недовольство и порицаніе совѣтской власти должно караться по вѣмъ строгостямъ закона, какъ заигрыванія съ зарубежными контрѣ-революціонерами“.

Въ автогужѣ — въ отдѣлѣ автогужеваго транспорта — арестованъ былъ въ прошедшемъ году одинъ изъ служащихъ — по доносу сослуживца, коммуниста, только за то, что при обыскѣ у него нашли два юмористическихъ стихотворенія, въ которыхъ непочтительно высмѣивались вожди русского коммунизма.

Несчастнаго стихотворца разстрѣляли. Нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ были арестованы.

Весною 1920 года я занималась съ арестованными проститутками и спекулянтками, интернированными въ Трудовой Колоніи на станціи Разливъ, подъ Петроградомъ. На мою жалобу начальству — оно возглавлялось въ этомъ учрежденіи недоучившимся студентомъ-медикомъ — что постоянная слѣжка за мною мѣшаетъ моей работѣ, что комендантъ, полуграмотный солдатъ, аттестуетъ меня караульнымъ, какъ контрѣ-революціонерку, я выслушала въ отвѣтъ: Не навлекайте на себя подозрѣній. Комендантъ Фроловъ — партийный, облеченное довѣріемъ лицо. Онъ можетъ въ каждую минуту упечь васъ въ чрезвычайку.“ — Такова структура совѣтской власти.

Нѣкоторое время спустя тов. Фроловъ уволенъ былъ за пьяные дебоши и хищеніе книгъ изъ кое-какъ и съ трудомъ слаженной библіотеки.

Печать въ предѣлахъ Россіи и заведенная на сочувствіе ей зарубежная печать — неоднократно подчеркивала, расписывала просвѣтительную дѣятельность — чью? Вотъ на этотъ, ребромъ поставленный, вопросъ затруднился-бы дать отвѣтъ каждый мало-мальски правдивый апологетъ совѣтскаго строительства.

Просвѣтительная дѣятельность коммунистовъ? — Но въ каждой, въ любой, культурно-просвѣ-

тительной организациі — коммунистовъ въ качествѣ идейныхъ руководителей, организаторовъ, рядовыхъ работниковъ, несущихъ на себѣ все тягло работы, коммунистовъ-то и нѣтъ. Ибо тутъ нужны интеллигентные труженики, люди со знаніями. Коммунистовъ-же, интеллигентныхъ, образованныхъ — ничтожная горсть. И всѣ они нарасхватъ. На большихъ мѣстахъ, въ большихъ чинахъ, въ делегатахъ, въ комиссарахъ. И работу подлинную, повседневную дѣлаютъ не свои люди, не надежные, а насилино мобилизованные, втянутые въ эту работу съ одной стороны голодомъ и безвыходностью положенія, съ другой стороны слабой надеждой, что хотя-бы и при ненормальныхъ условіяхъ, хотя-бы и подъ несмыкающимся недреманнымъ окомъ контроля и шпіонажа, все-же удастся выполнять любимое привычное культурное дѣло.

II.

Школа.

„Единая трудовая школа“. — Звучить гордо.

Единая трудовая школа, это — смѣсь, сплавъ всѣхъ школъ прежнихъ типовъ въ одну. Упразднены всѣ гимназіи, реальная и классическая, всѣ институты, всѣ закрытыя, учебные заведенія, всѣ городскія, начальные школы, и замѣнены обобщившей всѣ школы „Единой трудовой“.

Нѣтъ больше такихъ образцовыхъ школъ, какъ женская гимназія Шаффе, мужская гимназія Лентовской, Мая, нѣтъ гимназій Таганцевой и Стоюниной. Вмѣсто нихъ „Единая трудовая школа“, которая дѣлится на первоначальные классы — школу первой ступени и ея продолженіе — школу второй ступени.

Прежній контингентъ петроградскихъ учителей значительно порѣдѣлъ: много народу умерло, многіе разстрѣляны, многіе бѣжали отъ голода въ провинцію, въ деревню, за предѣлы Россіи.

Правда, значительно сократился и контингент учащихся. По официальнымъ совѣтскимъ свѣдѣніямъ, въ Петроградѣ сейчасъ около 800,000 жителей. По неофициальнымъ и болѣе близкимъ къ истинѣ — не болѣе полумилліона.

Пропорціально — значительный, однако, недостатокъ учителей приходится пополнять новыми силами. Откуда они берутся? Съ бору да съ сосенки. Преподаетъ всякъ, у кого иного занятія не находится. Кто во что гораздъ. — Преобладаютъ въ преподавательскомъ составѣ женщины. Бывшія учительницы начальныхъ городскихъ школъ преподаютъ въ низшихъ и старшихъ классахъ „Единой трудовой школы“.

Основной принципъ этой школы — воспитаніе дѣтей въ духѣ пролетарского самосознанія, въ духѣ пролетарской идеологии. Какая тутъ благодарная почва для контроля, сыска, подозрѣній и навѣтій — представить себѣ не трудно.

Задача школы, ближайшая задача — вытравливаніе изъ молодого поколѣнія буржуазнаго духа. Съ этой цѣлью настойчиво и бдительно проводится разрѣженіе состава учащихся.

Дѣлается это такъ. Ученики вошедшей въ „Единую Трудовую школу“ гимназіи, гдѣ преобладали дѣти изъ интеллигентныхъ состоятельныхъ семействъ, переводятся въ прежнюю городскую школу, составъ которой представлялъ собою улицу, городскую бѣдноту. Причемъ, родители лишены права опредѣлять дѣтей въ ту или иную школу, по ихъ усмотрѣнію. Учениковъ распредѣляется районная училищная комиссія. Дѣтей прикрѣпляютъ къ школѣ, какъ прикрѣпляютъ Ѣдоковъ къ продовольственной лавкѣ. — Ввести въ старшіе классы оздоровляющей пролетарскій элементъ, пока, что, оказалось невозможнымъ (низшая городскія школы заканчивались тремя, четырьмя классами.) Съ этой цѣлью дѣлаются, впрочемъ, исключенія: въ качествѣ освѣжающаго пролетарскаго элемента допускаются въ старшіе классы экстерны — почти безъ всякой подготовки.

Школа — смѣшанного типа, по образцу американской школы, создававшейся долгими года-

ми, въ культурныхъ условіяхъ американской жизни. При многихъ школахъ имются интернаты, какъ при американскихъ школахъ. Дѣти улицы, дѣти, не получившія нравственного воспитанія дома, безпризорные, недисциплинированные, распущенныя мальчики и дѣвочки очутились въ близкомъ общеніи. Опять-таки безъ должнаго присмотра и безъ должнаго нравственного воздѣйствія. Уже къ концу перваго года существованія „Единой трудовой школы“ во многихъ интернатахъ оказались близкими къ преждевременному материнству дѣвочки въ возрастѣ 14-ти и 15-ти лѣтъ.

Порядокъ занятій въ школѣ въ минувшую зиму былъ такои: дѣти являются въ школу около $9\frac{1}{2}$ часовъ утра. Швейцаровъ, сторожей, истопниковъ, при школахъ нѣть. Людей нѣть. Школьный день начинается съ топки печей, расчистки двора, сгребанія снѣга, тасканія дровъ. Бывають и „большіе“ дни, когда дѣтей угоняютъ въ другую часть города, гдѣ свалены откуда-то доставленные для школы дрова. Ученики свозятъ ихъ на салазкахъ въ помѣщеніе школы. Учителя или помогаютъ имъ, или тѣмъ временемъ топчутся въ совѣщательныхъ, не снимая пальто и галошъ.

Къ началу первого урока, около двѣнадцати, дѣти, уже усталые отъ физической работы, но порядкомъ взвинченные, возбужденные разсаживаются по скамьямъ въ пальто и галошахъ и, отсидѣвъ академической часъ — сорокъ минутъ — устремляются къ неопрятнымъ, непокрытымъ столамъ... Завтракъ: полфунта хлѣба, пшеннная каша, иногда съ жировымъ глазкомъ, иногда съ мясоподобнымъ комкомъ. Дома каша безъ всякихъ жировыхъ глазковъ, а мясоподобные комки дома — предметъ жадныхъ разспросовъ...

Учителя, истощенные голодомъ, холодомъ, заботами о семье, которой не прокормить на учительское жалованье, тоже не снимая галошъ, шапокъ и пальто, кое-какъ вяло дотягиваютъ положенные сорокъ минутъ, А тамъ уже и конецъ школьнаго дня. Дѣти разбредаются по домамъ. Дома надо еще помочь матери по хозяйству —

прислуги давно, давно нѣтъ. Надо наколоть щепокъ, притащить дровъ, если ихъ имѣется скромный запасъ. Надо принести на пятый этажъ воды — водопроводы рѣдко, рѣдко гдѣ дѣйствуютъ. О томъ, къ какимъ измышленіямъ приходится прибѣгать ввиду повсемѣстной порчи водопроводныхъ трубъ, въ разныхъ случаяхъ человѣческаго бытія — я разсказывать не могу. Въ моемъ лексиконѣ нѣтъ для этого удобопроеизносимыхъ словъ. Достаточно сказать, что зловонье — преобладающій ароматъ во всѣхъ петроградскихъ дворахъ, на всѣхъ лѣстницахъ петроградскихъ домовъ. Уроковъ въ школахъ не задаютъ: такъ заведено въ американскихъ школахъ. А если-бы и задавали, готовить ихъ ни у кого нѣтъ возможніи. Въ домахъ съ электрическимъ освѣщеніемъ свѣтъ или отпускается часа на полтора, или не отпускается вовсе. Керосина, свѣчей нѣтъ. Счастливцы, достающіе лампадное масло, жгутъ лампадки — коптилки. Большинство обитателей Петрограда бродитъ вечерами въ черныхъ комнатахъ, какъ скотъ въ хлѣвахъ. Въ крайнихъ случаяхъ, жгутъ лучинки:

Спать приходится укладываться, едва темнѣетъ, когда въ петроградскихъ квартирахъ нельзя сдѣлать пяти шаговъ, не украсивъ себя шишкой.

Руководителямъ школы рекомендуется пріобщать дѣтей политической жизни совѣтской республики. Это значить — участвовать въ разныхъ коммунистическихъ празднествахъ. Въ будни, въ классные дни — это чрезвычайно пріятно. Ибо, какъ мало ни учатся въ школахъ — не сидѣть въ холодномъ или пыльномъ классѣ, а шагать по улицамъ, какъ большіе, съ флагами и музыкой — все-же пріятнѣе. Весною 1920 г., когда пріѣзжала въ Петроградъ англійская рабочая делегація, всѣхъ дѣтей всѣхъ школъ погнали на дворцовую площадь (нынѣ площадь Урицкаго). Ученикамъ старшихъ классовъ, гдѣ преобладаетъ еще буржуазный элементъ, поставлено было на видъ — въ предупрежденіе уклоненія отъ явки: неявившіеся лишены будутъ завтраковъ въ теченіи недѣли. — Англичане должны были учесть революціонный па-

фось русской учащейся молодежи, явившейся привѣтствовать представителей англійского пролетариата. — Подъ такими-же угрозами парадировали ученики всѣхъ школъ и въ дни празднествъ въ честь III-го Интернаціонала.

Каковы будуть итоги этой Единой Трудовой школы — представить себѣ не трудно.

Неудивительно, что при такомъ строѣ занятій всѣ школы Петрограда дали въ этомъ году всего лишь 350 абитуріентовъ. Изъ нихъ 300 записалось въ Военно-Медицинскую Академію, 50 — осталось на всѣ другія высшія учебныя заведенія Петрограда.

Отчего изъ трехъ сотъ пятидесяти триста въ Военно-Медицинскую Академію? Очень просто. Курсъ ученія въ Воен. Медиц. Академіи сокращенъ до трехъ лѣтъ. Очень уже великъ соблазнъ овладѣть въ такой короткій срокъ всей совокупностью знаній, дающихъ право на званіе врача.

Да и эта совокупность знаній, согласно новой реформѣ Медицинской школы, значительно упрощается. — Студентъ — медикъ съ перваго-же курса будетъ изучать выбиравшую имъ специальность, не обременяя своей головы изученіемъ патологическихъ уклоненій отъ нормы другихъ органовъ человѣческаго тѣла. Такая разносторонность была роскошью буржуазной науки. — Въ реформированной, демократизированной медицинской школѣ изучающій глазныя болѣзни не будетъ совать носа въ легкія и почки, а терапевтъ не будетъ забираться въ такія дебри, какъ строеніе мозга и нервной системы. Будутъ „спецы“. Будетъ пролетарская наука. И всего три года. Дешево и сердито.

Еще безотраднѣе положеніе школы въ деревнѣ, гдѣ пособій уже и вовсе никакихъ, и ни книгъ, ни тетрадей, ни карандашѣй.

Учительскій персоналъ количественно сильно разрѣженъ (и опять таки преобладаютъ женщины; мужчины на фронтахъ вѣнчшихъ и внутреннихъ). Матеріальныя условія, въ какія поставлены учителя

невообразимыя. Холодныя, закопченыя, грязныя избы. Нищенское жалованье. Отсутствіе обуви, теплого платья.

Для того, что-бы попасть изъ Петрограда въ Псковъ, откуда я разсчитывала выполнить планъ бѣгства изъ Россіи, нужна была командировка. Я получила ее отъ института имени А. И. Герцена, предложившаго мнѣ прочитать нѣсколько лекцій по иностранной литературѣ на лѣтнихъ курсахъ для народныхъ учителей. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца я видалась ежедневно съ довольно значительной группой народныхъ учителей и учительницъ изъ всѣхъ уѣздовъ Псковской губерніи. Изъ ихъ разсказовъ о томъ, какъ они живутъ, какъ ведутъ свою учительскую работу, получалась картина ужасающаго, звѣринааго какого-то бытія. Инымъ, напримѣръ, за всю зиму ни разу не пришлось побывать на воздухѣ, на прогулкѣ, въ съѣднѣй городѣ. Не во что было одѣться. На ногахъ однѣ обмотки, тряпье. Другіе просидѣли всю зиму на одномъ хлѣбѣ, на мерзломъ картофелѣ, безъ сахара, безъ жировъ.

Легко представить себѣ, сколько энергіи, увлеченія, радости вносили эти преждевременно со-старившіяся дѣвшушки съ обрюзгшими лицами, съ волдырями у глазъ, въ свою культурно-просвѣти-тельную работу.

Эти лѣтніе курсы для учителей были, впрочемъ, такимъ-же карточнымъ домикомъ, какъ и всѣ другіе виды совѣтскаго строительства. Лекторы и слушатели сидѣли на голодномъ пайкѣ. Всѣ поглощены были одной мыслью — какъ-бы прокормиться.

Лекторамъ было не до чтенія лекцій, слуша-телямъ — не до слушанія лекцій.

Странную картину представляла минувшей зи-мою любая университетская аудиторія. На томъ мѣстѣ, где полагается быть каѳедрѣ — закутанный, обмотанный, снаряженный для дальней экспедиціи человѣкъ. Это — профессоръ. Передъ нимъ на скамьяхъ пять, шесть человѣкъ, рѣдко—десять, двѣнадцать — тоже въ галошахъ, въ шап-кахъ, въ глухо-застегнутыхъ пальто. Это — сту-

денты. Имъ платятъ жалованье. Только-бы учились. Но ни семь тысячъ жалованья въ мѣсяцъ, ни паекъ—ежедневно фунтъ невыпеченаго хлѣба какаго-то загадочнаго состава, ни горсть пшена,—прокормить ихъ не могутъ. Они молоды, имъ ъсть надо. И они служатъ, преподаютъ, состоять инструкторами въ разныхъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для красноармейцевъ и матросовъ. И — спекулируютъ.

Студентъ — спекулянтъ такое-же, никого не смущающее, явленіе, какъ молоденькая курсистка—инструкторша на курсахъ стратегіи и фортификаціи.

Студенческое жалованье и паекъ—одинъ изъ видовъ соціального обезпеченія — такой-же карточный домикъ, какъ и самый институтъ соціального обезпеченія. Полфунта, три четверти, въ лучшемъ случаѣ—фунтъ сквернаго хлѣба, горсть проса, изрѣдка, праздника ради, кусокъ селедки, нетопленый, неосвѣщаемый уголь — въ пріютахъ и богадѣльняхъ къ тому-же и вшивый уголь, никого не спасаютъ.

Люди хирѣютъ, болѣютъ и умираютъ.

III.

„Здравоохраненіе“.

Врачи, больницы также бессильны въ борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, какъ бессильны въ борьбѣ съ эпидеміями.

Въ каждой больницѣ распоряжается теперь такъ называемая „революціонная тройка“, выбираваемая изъ персонала низшихъ служащихъ, изъ партійныхъ коммунистовъ.

Въ очень большихъ больницахъ, какъ напримѣръ, психіатрическая больница Александра III-го (теперь третья психіатрическая больница)—вместо „тройки“ — „революціонная пятерка“.

Въ рукахъ „революціонной тройки“ или „пятерки“—хозяйственная часть, контроль надъ дізтой, назначаемой врачами, урегулированіе обязанностей сестеръ, сидѣлокъ и сторожей, распределеніе казенныхъ квартиръ, раскладка жалованья. Низшій персоналъ служащихъ, объединенныхъ въ

1918 г. въ „Професіональный союзъ низшихъ больничныхъ служащихъ“—въ непрекращающейся оппозиціи къ высшему медицинскому персоналу. Союзъ давно уже уравнялъ врачей въ жалованіи съ сестрами и сидѣлками, уравнялъ и въ пайкѣ. Врачи, естественно, вынуждены занимать по двѣ, три должности, искать практики на сторонѣ. Низшій персональ, прикованный своими обязанностями къ тому или иному учрежденію, естественно, считаетъ себя обиженнымъ судьбою, что, разумѣется, мало содѣйствуетъ нормальнымъ отношеніямъ между нимъ и медицинскимъ персоналомъ.

Надо замѣтить, что петроградскіе, да и московскіе врачи, работающіе подъ бдительнымъ и подозрительнымъ надзоромъ „революціонныхъ троекъ“, не въ большой милости у совѣтской власти. — На состоявшейся въ маѣ мѣсяцѣ конференціи петроградскихъ врачей выставлено было требование объ отмѣнѣ смертной казни. Призывы петр. Комисс. Здравоохран. Первухина къ дружной работе съ совѣтской властью были высмѣяны. На пироговскомъ съѣздѣ въ концѣ августа этого года опять возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни. Врачи вынесли суровую резолюцію. Комиссаръ Здравоохраненія, бывшій парижскій эмигрантъ, состоявшій врачемъ и преподавателемъ при русской школѣ въ Plessis—Riquet (подъ Парижемъ) Н. А. Сѣмашко — въ своей отвѣтной рѣчи на этомъ съѣздѣ потребовалъ отъ врачей „безпрекословнаго повиновенія“.

Какъ ни фальсифицировались въ Петроградѣ послѣдніе и предыдущіе выборы, къ какимъ хитростямъ и уловкамъ не прибѣгали больничные служащіе, чтобы отстранять врачей отъ непосредственного участія въ выборахъ, отъ петроградскаго союза врачей и больничныхъ служащихъ, все-же прошелъ безпартійный делегатъ, извѣстный въ Петроградѣ врачъ, Власова-Горовицъ.

Заставлять вѣчно-недоѣдающихъ, полуголодныхъ сидѣлокъ и сторожей выполнять необходиимую работу, слѣдить за чистотой и порядкомъ — врачи безсильны. Каждая петроградская больница — авгіева конюшня. Мыла отпускается боль-

ницамъ на 60% меныше минимальнаго необходимаго расхода. Дровъ — того меныше. Результацы стирки въ нѣкоторыхъ больницахъ сводятся къ тому, что простины возвращаются въ палаты съ унесенными въ прачечнуювшами. Тяжко—больныхъ кормятъ тѣмъ-же кислымъ хлѣбомъ, той-же пшеннай кашей, лишь приправленной клюквеннымъ киселемъ на сахаринѣ.

Медикаментовъ нѣтъ. Антисептическихъ средствъ нѣтъ. Это не мѣшаетъ, однако, совѣтскимъ газетамъ кричать объ успѣшной борьбѣ съ эпидеміями. Объ успѣшности этой борьбы краснорѣчиво говорить запротоколированное на послѣдней конференціи петроградскихъ врачей соотношеніе смертности и рождаемости за этотъ годъ: 63000 смертныхъ случаевъ и 8000—рожденій.

Въ издающемся въ Стокгольмѣ — полагать надо, на русскія деньги — журналѣ „Sturmglecke“, въ восьмомъ выпускѣ этого года, напечатана была статья, въ которой сказано было буквально, что въ то время, какъ дѣтская смертность растетъ во всей Европѣ съ ужасающей быстротой, въ Россіи она понизилась до самаго ничтожнаго процента. Объясняется это превосходнымъ даровыемъ дѣтскимъ питаніемъ.

Нѣтъ надобности добавлять, что статью эту совѣтская печать отмѣтила съ большимъ сочувствіемъ.

IV.

Наука въ Совѣтской Россіи.

Этимъ лѣтомъ много говорили въ Петроградѣ о перепискѣ знаменитаго ученаго проф. Павлова, физіолога, съ Ленинымъ.

Професоръ Павловъ обратился къ Ленину съ письмомъ, въ которомъ просилъ разрѣщенія на выѣздъ за-границу. Онъ указалъ на то, что, будучи полѣтамъ уже не трудообязаннымъ, онъ чувствуетъ, однако, что могъ бы еще послужить наукѣ въ нормальныхъ условіяхъ жизни. Та же обстановка, въ которой онъ живетъ уже почти три года, уби-

ваетъ его силы и сокращаетъ его и безъ того не долгіе дни. Въ теченіи двухъ зимъ большая часть его времени уходила на разную черную работу по дому: онъ таскалъ воду на пятый этажъ въ свою квартиру, пилилъ дрова, когда удавалось достать ихъ немнога, кололъ щепки, разыскивалъ провизію. Третіей такой зимы ему не выжить. А потому онъ просить и т. д.

Профессору Павлову, Ленинъ отвѣтилъ письмомъ, подписанымъ Бончъ-Бруевичемъ (управляющимъ дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ), въ которомъ заявлялъ, что отпустить его за-границу никакъ не можетъ. Онъ нуженъ Россіи, какъ научная сила. Притомъ же его расчетъ на спокойную жизнь въ Европѣ ошибоченъ. Вся Европа въ броженіи, и врядъ-ли онъ найдетъ тамъ благопріятную обстановку для своей научной работы. Ему дадутъ усиленный паекъ, повысятъ окладъ жалованья, дадутъ теплую квартиру и всѣ необходимыя пособія для научныхъ занятій. А за границу емуѣхать не зачѣмъ. Профессоръ Павловъ написалъ вторично, что никакихъ льготъ онъ принять не можетъ, когда одинъ изъ его товарищѣй по работѣ умираетъ на той же лѣстницѣ, гдѣ живетъ и онъ, отъ цынги, другой отъ туберкулеза, нажитаго въ такихъ же дикихъ условіяхъ, отъ какихъ хочетъ уйти онъ. Онъ привель около двадцати пяти именъ русскихъ ученыхъ, находящихся въ такомъ же тяжкомъ безвыходномъ положеніи. Для себя онъ просилъ только одного: отпустить его за-границу, гдѣ онъ могъ бы заниматься тѣмъ, что составляетъ смыслъ его существованія: наукой. На это письмо отвѣта не послѣдовало. Но устно было доведено до свѣдѣнія проф. Павлова, что тонъ его письма наводитъ на мысль о возможности враждебнаго Совѣтской власти выступленія, если онъ очутится за предѣлами Россіи. Его имя могло бы придать вѣскость его пристрастнымъ заявленіямъ, что, конечно, не желательно и потому на разрѣшеніе выѣзда за-границу ему расчитывать нечего.

Въ тѣ дни, когда въ Петроградѣ и въ Москвѣ шли толки обѣ этомъ письменномъ и устномъ

обмѣнѣ ногъ между профессоромъ Павловымъ и Ленинымъ, умерли одинъ за другимъ профессора Тураевъ, Шахматовъ, Бѣлоголовый.

Въ Москвѣ профессоръ Покровскій, втащившій на пятый этажъ вязанку дровъ, — тутъ же умеръ отъ разрыва сердца.

Проф. Шахматовъ и Тураевъ умерли отъ незначительныхъ заболѣваній гастрического характера, которыхъ не вынесъ ихъ истощенный организмъ. Минувшей зимою проф. Шахматовъ возилъ на салазкахъ свою умершую мать на кладбище. Смертность въ тѣ дни была такъ велика, что по-коиники ждали очереди цѣлыми недѣлями. На кладбищѣ проф. Шахматовъ собственноручнорылъ могилу, послѣ чего нѣсколько недѣль хворалъ. До послѣдней минуты, пока не слегъ, работалъ напряженно, жадно пользуясь весенними и лѣтними днями, и съ ужасомъ говорилъ о предстоящихъ зимнихъ мѣсяцахъ, до которыхъ не дожилъ.

Выживутъ-ли другіе? Выживутъ ли многіе?

О всевозрастающей смертности среди ученыхъ очень осторожно упоминалось въ Совѣтской печати, за то очень обстоятельно расписывались заботы Совѣтской власти о поддержаніи ученыхъ силь страны, которая Горькій въ одномъ своемъ письмѣ къ Ленину называлъ „мозгомъ русского народа“.

Трубили на всѣ лады о пресловутомъ ученомъ пайкѣ. Одинъ изъ бывшихъ Шлиссельбургскихъузниковъ, тоже получающій въ качествѣ лектора чего-то этотъ ученый паекъ, какъ-то сравнивалъ его съ пайкомъ, который получали въ свое время они въ Шлиссельбургской крѣпости, съ пайкомъ, на который они вѣчно роптали. Ученый паекъ позорно провалился въ сопоставленіи съ пайкомъ каторжниковъ.

Ученые получаютъ полтора фунта хлѣба въ день — вмѣсто фунта, который выдается служащимъ всѣхъ совѣтскихъ учрежденій. Но хлѣбъ этотъ цѣлая шарада. Моя первая составная часть — невѣдомый злакъ, вторая — новоизобрѣтенное химическое вещество, а цѣлое — липкая пахнущая кислымъ масса, которая къ тому же на второй

или третій день покрывается какими-то подозрительными пятнами. Весь эту массу — невозможно. Во всякомъ случаѣ требуется для этого большая рѣшимость. Большинство награждаемыхъ этимъ хлѣбомъ, спѣшитъ сбыть его съ рукъ, обмѣнять на мерзлый картофель или мерзлую свеклу, и въ свою очередь наградить довѣрчивыхъ людей липкой подозрительной массой. Профессора получаютъ около двѣнадцати фунтовъ пшена, наполовину съ просомъ, около восьми фунтовъ тухлой трески или селедокъ, полтора фунта постнаго масла, два съ половиною фунта сахара.

Съ іюля мѣсяца эту порцію сократили. Въ знакъ особенного радѣнія о научныхъ силахъ Россіи, этимъ научнымъ силамъ выдаются еще двѣ, кажется, даже три плитки, какого-то страннаго вкуса и цвѣта продукта, именуемаго почему-то шоколадомъ. Этотъ продуктъ — предметъ злобно-завистливыхъ замѣчаній со стороны не получающихъ его, и предметъ печальныхъ шутокъ, сподобившихся получить его.

— Подумайте, шоколадъ Вотъ кому живется сытно на Руси... Шоколадъ, подумать надо...

Но профессорамъ шоколадъ впрокъ не шелъ — они ъли его и умирали.

Въ то самое время, какъ хоронили одного за другимъ Тураева, Шахматова, Бѣлоголоваго, въ то время какъ профессоръ Павловъ дѣлалъ безуспѣшныя попытки уйти изъ совѣтской Россіи, въ петроградскихъ газетахъ началась кампанія противъ интеллигентїи вообще, въ частности противъ профессоровъ. Открылась кампанія съ доноса, подписанного псевдонимомъ „Чужой“. Статья съ инсинациями на профессоровъ, занимающихъ антисовѣтскую позицію, съ выдержками-передержками изъ ихъ лекцій. Статья эта была такъ непристойна и скандальна, что вызвала возраженіе подписанное Горькимъ, профессоромъ Ольденбургомъ и ректоромъ педагогического института Пинкевичемъ. Возраженіе, сокращенное редакціей, искаженное, помѣщено было съ примѣчаніемъ Зиновьева, отмѣтившаго великолѣшную готовность редакціи дать мѣсто въраженію — искаженному и сокращенному.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ статей за той же подписью „Чужой“, на которыхъ никто уже не возражалъ,—полныхъ клеветническихъ нападокъ, доносовъ, гнусныхъ намековъ. И завершился крикливымъ письмомъ: „Нѣтъ, намъ не по пути“. „Не по пути имъ“ съ интеллигентіей, во всей ея совокупности, въ частности съ профессорами, которые не „устають плакаться на принижжающій, углашающій духъ, обезличивающій физичекій трудъ“. (Курсивъ автора пасквиля). — „Вы забываете, генералы отъ науки, что этотъ самый, непришедшійся вамъ по вкусу трудъ, исполняли до сихъ поръ сотни тысячи людей, за счетъ которыхъ вы учились, творили и приобрѣтали знанія, которыми такъ ки читесь.“

Эта статья, конечно, тоже должна была оставаться безъ возраженія.

У правовѣрныхъ читателей, „Правды“ и „Извѣстій“, на которыхъ были расчитаны эти статьи, впечатлѣніе должно было получиться убѣдительное: „Вотъ они, кто отравляетъ колодцы холерой.... Ату ихъ....“

На этомъ кампанія прекратилась до поры до времени, когда изъ тактическихъ соображеній, опять покажется цѣлесообразнымъ натравливать голодную массу на интеллигентію.

Пока что, профессора въ предвкушениі надвигающейся зимы, безъ свѣта, безъ дровъ, безъ галошъ и безъ валенокъ, сидятъ на своихъ голодныхъ при шоколадѣ пайкахъ и ждутъ:

„Сегодня ты —, а завтра я.“

Нападки на интеллигентію, которымъ предшествовали и слѣдовали аресты видныхъ дѣятелей науки и вызвало обращеніе Горькаго къ Ленину съ письмомъ, ходившимъ въ Петроградѣ и Москвѣ по рукамъ. Приводимъ его полностью:

Владиміръ Ильичъ, убѣдительно прошу васъ принять и выслушать профессора В. Т. Тонкова, президента Военно-Медицинской академіи.

Здѣсь арестовали нѣсколько десятковъ виднѣйшихъ русскихъ ученыхъ, въ ихъ числѣ: Дени, Осиповъ, Терешинъ, Бушъ, Крогіусъ, Ольден-

бургъ, Бѣлъголовый, Э. Гриммъ и проч. и проч. Считаю нужнымъ откровенно сообщить вамъ мое мнѣніе по этому поводу.

Для меня богатство страны, сила народа выражается въ количествѣ и качествѣ интеллектуальныхъ силъ. Революція имѣеть смыслъ только тогда, когда она способствуетъ росту и развитію этихъ силъ. Къ людямъ науки слѣдуетъ относиться возможно бережливѣе и уважительнѣе — особенно необходимо у насъ, гдѣ семнадцатилѣтніе мальчики идутъ въ казармы и на бойню гражданской войны, и гдѣ ростъ интеллектуальныхъ силъ страны будетъ надолго задержанъ.

Мы, спасая свои шкуры, рѣжемъ голову народу, уничтожаемъ его мозгъ.

Очевидно, у насъ нѣтъ надежды побѣдить и нѣтъ мужества съ честью погибнуть, если мы прибѣгаемъ къ такому варварскому и позорному пріему, какимъ я считаю истребленіе культурныхъ силъ страны.

Что значитъ этотъ пріемъ самозащиты, кромѣ выраженія нашей трусости и сознанія слабости, и, наконецъ, желанія мести за нашу собственную бездарность.

Я рѣшительно протестую противъ этой тактики, которая поражаетъ мозгъ народа и безъ того достаточно нищаго духовно. Знаю, что вы скажете обычныя слова: „политическая борьба.“ — „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. — „Нейтральные люди опасны“ и пр.

Огромное большинство представителей положительной науки — нейтрально и объектививно, какъ сама наука: это люди аполитичные. Среди ихъ большинство старики, больные. Тюрьма убьетъ ихъ. Они достаточно уже истощены голодомъ.

Владиміръ Ильичъ, я становлюсь на ихъ сторону и предпочитаю арестъ и тюремное заключеніе — участію, хотя-бы и молчаливому, въ истребленіи лучшихъ, цѣннѣйшихъ силъ русского народа.

Для меня стало ясно, что „красные“ — такие же враги народа, какъ и „бѣлые“.

Лично я, разумѣется, предпочитаю быть уничтоженнымъ „бѣлыми“ — но и „красные“ — тоже не товарищи мнѣ.

Позвольте надѣяться, что вы поймете меня.

М. Горький.

V.

Борьба съ преступностью въ Совѣтской Россіи.

Минувшѣй весною (1920 г.) отдѣль управлениѣ дѣлами Петроградскаго Совѣта, возглавляемый нѣкой Равичъ и Каплуномъ — молодой человѣкъ, электротехникъ, — сдѣлалъ попытку привлечь интеллигентныхъ работниковъ на борьбу съ преступностью. Работа показалась многимъ увлекательной, обѣщающей результаты.

Тѣ, кто на работу эту пошли, узнали: преступность въ Петроградѣ такъ велика, что борьба съ ней должна вестись въ исполненікомъ масштабѣ. Намѣчалось пять лагерей принудительныхъ работъ, иначе — трудовыхъ колоній. Корпуса бывшаго завода Кенига для главнаго концентраціоннаго лагеря и распределительнаго пункта. Здѣсь предполагалось оставлять закоренѣлыхъ, туго поддающихся нравственному воздействию преступниковъ.

Второй лагерь — бывшая тюрьма „Кресты“, затѣмъ „Знаменка“, — бывшая отлично оборудованная психіатрическая больница по Ириновской жел. дор., „Чесменка“ — бывшая чесменская багадѣльня у Московской заставы, и Трудовая колонія на станціи Разливъ, бывшій дѣтскій пріютъ, имени царевича Алексія. Эта колонія предназначалась исключительно для женщинъ, проститутокъ и спе-кулянтокъ.

Въ то время, когда начиналась мнимая организація этой работы, четыре лагеря уже переполнены были арестованными. Въ Крестахъ и на за-

водѣ Кенига находились уже преступники, доведенные голодомъ, побоями и вшами до звѣринаго состоянія. Ихъ держали въ изоляторахъ, нѣкоторыхъ на цѣпяхъ.

Приглашеннымъ сотрудникамъ заявлено было, что хотя людей, культурныхъ силь, покуда мало, но тѣмъ не менѣе, культурно-просвѣтительная работа въ Крестахъ, на Знаменкѣ, на заводѣ Кенига поставлена удовлетворительно. Мастерскія дѣйствуютъ. Не хватаетъ еще только театра, музыки и художественныхъ курсовъ. Оставалось восполнить этотъ пробѣлъ и наладить работу въ пустомъ еще, не отапливавшемся всю зиму огромномъ домѣ на станціи Разливъ. Приглашеннымъ организаторамъ открывались перспективы самой широкой свободной иниціативы. Техническая, хозяйственная часть поручена была лицамъ, которыхъ мы, приглашенные организаторы, не знали. Увидали ихъ впервые на первомъ организаціонномъ совѣщаніи: рѣшительного вида молодые люди, съ блѣгающими глазами и затѣйливыми перстнями на пальцахъ.

У взявшихся за культурно-просвѣтительную работу разыгралась фантазія. Сдѣлать изъ налетчика, изъ убийцы — честнаго труженика, изъ проститутки — уважающую себя, достойнуюуваженіяженщину... Для этого стоило поработать и даже пойти на компромиссъ совмѣстной работы съ представителями совѣтской власти. Казалось: перевести несчастныхъ людей въ нормальныя условия, обучить ихъ ремеслу, пріобщить радости, какія даются книгой, творчествомъ, художественными впечатлѣніями, дать человѣку возможность осознать себя... И сдѣлано будетъ большое дѣло, которое оправдаетъ совмѣстную работу съ большевиками. Соня Мармеладова, Надежда Николаевна, Липочки, Саши, Тани... — Горькаго... Такой материалъ въ рукахъ людей, которые сумѣютъ найти подходъ къ ихъ душѣ, освѣщенной намъ талантомъ большихъ писателей.

Въ воображеніи замелькали самыя чудесныя возможности.

Въ Колонії предполагалось въ широкомъ масштабѣ: садоводство, огородничество, мелкое животноводство, кустарная мастерскія, школы — кройки и шитья, школы грамотности, общеобразовательные курсы, пѣніе, музыка и театральная студія.

Первымъ дѣломъ надо было найти людей, которые бы всѣ эти курсы организовали и всѣмъ этимъ предметамъ обучали.

Но тутъ то и встрѣтилось препятствіе, опредѣлившее весь дальнѣйшій ходъ работы.

Предложены были въ сотрудницы двѣ сестры В. А. Мякотина — общественныя дѣятельницы, учительницы съ двадцатипятилѣтнимъ педагогическимъ стажемъ. Предложеніе было отклонено. Каплунъ, управляющій подотдѣломъ Петровскаго, укоризненно покачалъ головой; „Сестры Мякотина“...

Одна умная, культурная женщина предложила свои услуги — она жаждала живого интереснаго дѣла. Предложеніе ея оставлено было безъ отвѣта. Причина: сына ея за нѣсколько недѣль до того разстрѣляли по подозрѣнію въ контръ-революціонной дѣятельности. Мною тоже рекомендованная молодая ученая, докторъ соціологическихъ наукъ, хотя и попала въ списокъ сотрудниковъ, но къ работѣ не была допущена. Она произвела въ бесѣдѣ впечатлѣніе человѣка, чуждаго „пролетарской идеологии“.

Такимъ образомъ, подходящихъ для работы людей намѣчалось мало. Слишкомъ мало для того, чтобы приступить къ работѣ въ томъ масштабѣ, въ какомъ она предполагалась.

Тогда естественно было заинтересоваться, какъ же поставлена работа въ другихъ лагеряхъ принудительныхъ работъ при такой малой наличности интеллигентныхъ работниковъ. Доступъ въ эти лагеря оказался не легкимъ.

Но, въ концѣ-концовъ, благодаря разнымъ импонирующими бумажкамъ, мандатамъ — инструктора, организатора — доступъ былъ полученъ.

Да, администрація этихъ лагерей имѣла основаніе оберегать отъ любопытныхъ взоровъ вѣрренія ей учрежденія.

Никакая культурно-просвѣтительная работа нигдѣ не велась. Никакія мастерскія нигдѣ не дѣйствовали.

Двѣ—три швейныхъ машины—на цѣлое заведеніе,—на которыхъ три-четыре женщины строили изъ грязной рѣдини больничные халаты.

Въ одномъ лагерѣ оказался убогій наборъ сапожныхъ инструментовъ, двѣ-три колодки, нѣсколько паръ деревянныхъ подметокъ. Это и была „великолѣпно-поставленная мастерская обуви“ о которой намъ протрубили уши въ отдѣлѣ. Арестантовъ кормили скверно-пахнущей водянистой похлебкой — въ полдень, кипяткомъ и кислымъ хлѣбомъ—вечеромъ. По всѣмъ корпусамъ, по всѣмъ этажамъ—грязь, мусоръ, вши и зловоные.

Арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, угоняли съ ранняго утра на общественныя работы. Они таскали дрова съ барокъ, ломали деревянные дома на топливо, возили за городъ нечистоты. — Возвращаясь въ лагери, ругались, сквернословили, замышляли побѣги, осуществляли ихъ, или подъ страхомъ новыхъ наказаній, съ скрежетомъ зубовнымъ сдерживали свою ярость до поры до времени. Библіотеки, умѣло, внимательно составленной, не оказалось нигдѣ. Книжки, которая бы успокоила, развлекла, утѣшила въ горѣ, не оказалась ни одной.

Были — реквизированныя, натасканныя изъ частныхъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ книги—такія-же, какія въ изрядномъ количествѣ доставлены были и въ Трудовую Колонію на станціи Разливъ, въ наше вѣдѣніе: философскіе труды Риккера, Виндельбанда, введеніе въ философію Челпанова, Кюльбе, психологія Липпса, „Монашество въ средніе вѣка“ — Карсавина, „Античное міро-созерцаніе“ — Карелина, „Міръ какъ представление“ — Шопенгауэра, „Мысли“ — Паскаля и нѣсколько брошюрокъ Ленина и Зиновьевы. Цѣль этого набора книгъ для арестованныхъ спекулянтокъ иочныхъ героинь Невскаго и Лиговки, была, однако, достигнута. Библіотечный шкафъ напичкали книжнымъ грузомъ. Блефъ — былъ замаскированъ.

Наладить физической трудъ въ трудовой колонии на ст. Разливъ, разумѣется, тоже оказалось невозможнымъ. Для садоводства и огородничества не оказалось самаго существенаго: приличнаго по размѣрамъ участка земли. А для отведенаго клочка — не оказалось ни заступовъ, ни сѣмянъ, ни водяного рукава, ни леекъ. Ничего.

Для мелкаго животноводства — ни большихъ, ни мелкихъ животныхъ, ни клѣтей, ни инструктора, который бы это дѣло организовалъ. Рекомендованный мною человѣкъ, культурный, образованный, бывшій владѣлецъ образцовой фермы подъ Петроградомъ, не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Контрѣ-революціонный обликъ его показался, повидимому, опаснымъ въ смыслѣ нежелательнаго вліянія, которое онъ могъ-бы имѣть на кроликовъ и каплуновъ, если бы поручили ему ихъ выводить.

Машинъ швейныхъ и чулочныхъ, — о наличности ихъ въ количествѣ многихъ дюжинъ намъ твердили нѣсколько недѣль, — машинъ не оказалось ни одной. Подъ шумокъ организаціонныхъ совѣщаній и разговоровъ, люди, которымъ поручена была хозяйственная и техническая часть дѣла, — успѣли уже эти машины увезти и распродать. Не оказалось иголокъ, нитокъ, ни ножницъ-ни материала, который можно было-бы этими ножницами кроить и на этихъ машинахъ строчить.

Кормили мутными, пустыми супами — въ полдень, кипяткомъ и кислымъ хлѣбомъ — вечеромъ.

За предложеніе работать въ этомъ учреждении ухватился неутомимый, благородный идеалистъ, талантливый актеръ, руководитель Передвижнаго Театра — Павелъ Павловичъ Гайдебуровъ. Но попытки его — пріобщить радостямъ искусства голодныхъ, уличныхъ женщинъ, арестованныхъ въ притонахъ спекулянтокъ, среди которыхъ были и арестованыя за продажу на рынкѣ послѣдней скатерти, послѣдняго платья — попытки эти конечно, не могли дать ничего, кромѣ осадка горечи.

Вѣчно раздраженные, вѣчно голодные, нетерпѣливо ждавшія истеченія срока наказанія жен-

щины уставали за день безтолковой толчей, безъ дѣла, и къ вечеру, когда начинались занятия въ художественныхъ классахъ, могли реагировать на „духовную пищу“ — только глухимъ глумленіемъ, только мертвымъ равнодушіемъ. По желанію высшаго начальства, отчаявшагося удовлетворить арестантокъ сколько-нибудь сноснымъ продовольствіемъ, въ программу студіи включена была ритмическая гимнастика и пластика.

Это не анекдотъ — такъ оно было.

Ритмическая гимнастика и пластика были раньше достояніемъ буржуазныхъ школъ и страдающихъ ожиреніемъ дамъ. Мы, большевики, сдѣлаемъ ритмическую гимнастику и пластику достояніемъ проститутокъ и спекуляントокъ.

За хорошими словами — дѣла не стало; раскрѣпощенный духъ — раскрѣпощенное тѣло.

Такъ было въ древней Греціи.

И несчастныя, запуганныя угрозами женщины, попрыгали разъ — другой, въ подоткнутыхъ грязныхъ юбкахъ, и наканунѣ третьяго или четвертаго урока написали коллективное заявленіе: „Мы голодныя... Мы арестантки... Мы не хотимъ учиться балету...“

Этимъ окончились попытки насадить духъ древней Паллады въ грязныхъ, вшивыхъ лагеряхъ принудительныхъ работъ, среди голодныхъ, необутыхъ и не одѣтыхъ арестантокъ.

Убѣдившись, что онѣ ничему въ трудовыхъ колоніяхъ не обучатся, никакихъ знаній, никакого ремесла, которая вооружили-бы ихъ для борьбы съ жизнью, онѣ здѣсь не пріобрѣтутъ, арестованыя стали убѣгать изъ лагеря. Побѣги въ большинствѣ случаевъ, удавались, такъ какъ устраивались при содѣйствіи караула. А тамъ ихъ опять встрѣчали на Лиговкѣ, на Невскомъ, на прежней работѣ.

Къ тому времени, когда я подала заявленіе объ отчисленіи меня отъ инструкторства въ Трудовой колоніи на ст. Разливъ, въ юлѣ мѣсяцѣ, тамъ оставалось изъ ста пятидесяти йатернизованныхъ въ маѣ — около 35-ти женщинъ.

Повальное бѣгство арестованныхъ изъ всѣхъ другихъ лагерей принудительныхъ работъ въ Пет-

роградѣ, и дало, очевидно, смѣлость г-жѣ Равичѣ (управляющей дѣлами Петросовѣта) заявить въ одномъ засѣданіи Петросовѣта, что уличныя женщины и спекулянтки, послѣ недолгого пребыванія въ трудовыхъ колоніяхъ замѣтно преображаются и возвращаются на путь честной трудовой жизни.

Тѣмъ временемъ, завѣдующіе хозяйственной и технической частью, облеченные довѣріемъ „свои люди“—которые могли каждую минуту упечь въ Чрезвычайку неугоднаго „не своего“ человѣка (что они и дѣлали)—эти молодые люди съ затѣйливыми перстнями на пальцахъ, тѣмъ временемъ не дремали.

Средствъ на оборудование лагерей принудительныхъ работъ отпущенено было много. И „облеченные довѣріемъ“, разсудили, что самое правильное употребленіе отпущеныхъ суммъ, это: обезпечить ими свое пребываніе на землѣ. Такъ поступилъ и квартальный надзиратель въ разсказѣ Чехова „Доброе дѣло“ съ пожертвованными какимъ-то благодѣтелемъ деньгами на „доброе дѣло“.

Слухи о хищениі, о безстыжемъ подотдѣлѣ проникали въ общество давно. Громко говорить объ этомъ не находилось смѣльчаковъ. — „Недовольство и порицаніе совѣтской власти должны караться по всѣмъ строгостямъ закона, какъ заигрываніе съ зарубежными контрѣ-революціонерами“. Этисловѣ Ленина, изърѣчи произнесенной въ одномъ засѣданіи Исполкома—стояли передъ всѣми обуздывавшемъ гражданскую смѣлость.

Изъ Петрограда сообщаютъ теперь о финалѣ дѣятельности этихъ „своихъ“ партійныхъ людей. Юдинъ, завѣдующій хозяйственной частью подотдѣла принудительныхъ работъ, разстрѣлянъ за хищеніе трехъ миллионовъ рублей. Сподвижники его Рогачевъ, Симановичъ и другіе присуждены къ разнымъ срокамъ общественныхъ работъ.

У власти станутъ теперь другіе „свои люди“—которымъ разстрѣлянныи и арестованные воры, очевидно, стали на дорогѣ.

Такъ завершилась комедія борьбы совѣтской власти съ преступностью: обманомъ, ложью преступлениемъ и апофеозомъ: къ разстрѣлу!

VI.

Искусство и литература.

Ни въ одной странѣ земнаго шара нѣтъ въ настоящее время такого обилія всевозможныхъ представлений и концертовъ, какъ въ Петроградѣ и Москвѣ нашихъ дней.

Тяготѣніе Совѣтской власти къ искусству — весьма велико, оно неодолимо.

Искусство, театръ, музыка, балетъ для Совѣтской власти — костьль, опій, гашишъ, которыми она пользуется, когда надо на что-нибудь опираться въ своей духовной беспомощности, когда надо оглушить, одурманить массу, надъ которой она производитъ свои коммунистические эксперименты.

Актеры, пѣвцы, музыканты — всѣ мобилизованные. Въ Государственныхъ театрахъ спектакли — только для красноармейцевъ и матросовъ, и профессиональныхъ союзовъ. Александринскій театръ доступенъ для публики, для платной публики, разъ въ недѣлю, въ воскресенье вечеромъ, Маріинскій — два раза въ недѣлю. Другіе театры обязаны по первому требованію отмѣнить продажу билетовъ, и закрыть доступъ публикѣ. Театры всегда переполнены. Преобладаютъ и на даровыхъ, и на платныхъ спектакляхъ гимнастерки и матроскія куртки.

О томъ, какъ теперь ставятъ пьесы, говорить не приходится. Нѣтъ холста, нѣтъ красокъ для декорацій. Нечѣмъ обновить и дополнить частью обветшавшую, частью раскраденную бутафорію. О томъ, какъ играютъ теперь актеры, какъ поютъ артисты, говорить еще тяжелѣе. Должно съ горечью сознаться, далеко, далеко не всѣ остались на высотѣ своего призванія. Увы, очень многіе поддались разлагающему вліянію условій, въ которыхъ протекаетъ работа нечуткихъ, неинтеллигентныхъ людей, представляющихъ собою театральное начальство. И у многихъ слишкомъ явна тенденція не возвышать своимъ искусствомъ хлынувшую въ театры улицу, а принижать свое искусство до уровня ея пониманія.

Духовного контакта между сценой и зрительным заломъ нѣтъ.

Окрыляющего исполнителей созвучія еще меньше. Въ театры, въ концертныя залы сгоняютъ голодныхъ, усталыхъ людей, хилыхъ безкровныхъ дѣтей. Вопль о хлѣбѣ заглушается угро-зами. Зрѣлища навязываются для усыпленія мыслей о хлѣбѣ. Настроеніе аудиторіи не можетъ не отражаться на исполненіи артистовъ. Щадить свои голоса, шлифовать роли, углублять свое дарованіе — недоступная теперь роскошь.

Артисты — халтурятъ.

Халтура — на объясненіе этого слова потрачено не мало словъ и чернилъ. Халтура, это — работа, сдѣланная кое-какъ, лишь бы сдѣлать, лишь бы отвязаться. Сдѣлать — какъ можно меньше, получить, какъ можно больше.

Пѣвцы, артисты съ громкими европейскими именами выступаютъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ въ одинъ вечеръ. Изво-щиковъ нѣтъ, автомобилей нѣтъ, трамвайное сообщеніе прекращается въ шесть часовъ вечера, а то и раньше. Артистовъ развозятъ на „больныхъ“ грузовикахъ, или въ долгушахъ — изъ одного грязнаго театра въ другой, изъ одного накуренного душного помѣщенія въ другое.

Лѣтомъ, когда еще свѣтло въ театральные часы, можно было видѣть каждый день такія картины: бѣжать автомобиль — грузовикъ (не очень быстро — онъ больной). Въ немъ кумиры петербуржцевъ и москвичей, слава и гордость русского искусства за-границей: Ершовъ, Акимова, Боссе, Черкасская, Маклецова, Смирнова, Вилль, Люкомъ . . . у нихъ такія усталыя, раздраженные лица . . . Нѣтъ никакихъ сомнѣній: уже не въ первый разъ везутъ ихъ сегодня въ этихъ грузовикахъ исполнять номера.

Дальше — дребезжащая долгуша. Ведринская, Домашева, Бріянъ, Лешковъ. Куда-то еще поволокутъ ихъ сегодня? Точно помѣщичьихъ, крѣпостныхъ, къ сосѣду на представлѣніе по случаю именинъ . . .

Кромъ обязательныхъ по службѣ, по мобилизациі спектаклей, надо еще халтурить въ частныхъ театрахъ. Надо выколачивать эти груды бумагеекъ съ надписями на арабскомъ и китайскомъ языкахъ, что-бы не быть голодными самимъ, и не видѣть кругомъ голодныхъ лицъ близкихъ людей.

Не счастливѣе актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и художники въ Совѣтской Россіи.

Не на чемъ писать. Нечѣмъ писать. Нѣтъ холста. Нѣтъ красокъ. У кого есть небольшой запасъ — тому негдѣ работать. Нечѣмъ отапливать мастерскую. У кого семья — негдѣ уйти въ работу, негдѣ сосредоточиться. Не говоря уже о вѣчной, углашающей духъ мысли о ъдѣ, объ опоганивающемъ душу вѣчномъ вопросѣ: „Что да-дуть“? Въ кооперативѣ той или иной организаціи — „Что дадутъ?“.

Этотъ нищенскій подлый вопросъ въ глазахъ, въ устахъ ученаго, профессора, чистильщика сапогъ на углу улицы, знаменитой пѣвицы, конторской барышни-машинистки, озабоченной матери, и накрашенной дѣвицы, высматривающей кого-то на перекресткѣ.

„Что даютъ?“ — съ этого начинается каждый разговоръ. Это заключительный аккордъ каждой встрѣчи.

„Что-то дадутъ?“.

Но наиболѣе тѣгостно положеніе дѣятелей художественаго слова, писателей.

Уже къ первой годовщинѣ октябрьскаго переворота, большевики могли подвести побѣдный итогъ своей культурно-просвѣтительной работѣ: ни одной газеты, ни одного журнала, ни одного изданітельства. Чисто. Всѣ „буржуазные“ газеты и журналы, въ томъ числѣ и „Новая жизнь“ — съ Горькимъ во главѣ, выкурены, и на коммунистическихъ щитахъ девизъ папы Григорія I-го: „Всякій мыслящій иначе да будетъ анаѳема.“

Негдѣ печататься. Нельзя писать. Трагедію, заключающуюся въ этихъ двухъ словахъ, могутъ понять лишь люди пишущіе, люди, для которыхъ

писать то-же, что жить, то-же, что дышать воздухомъ. Художникъ, поэтъ, писатель— должны быть свободны, какъ птицы. Въ Совѣтской Россіи художникъ, поэтъ, писатель — прикованные къ тачкѣ арестанты. Онъ лишенъ элементарной потребности живаго существа, — свободы передвиженія. Для того, что-бы отдалиться отъ Петрограда на десять верстъ, нужны разрѣщенія, пропуска, командировки, неизбѣжно — толкаться въ теченіи двухъ и трехъ недѣль по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ, вплоть до чрезвычаекъ. (Между прочимъ, недавно введена новая мѣра — очевидно, для болѣе успѣшнаго улавливанія уѣзжающихъ по командировкѣ съ цѣлью спекуляціи или бѣгства за границу: снимаютъ форму большого пальца синей краской по копіи пропуска.) — У художника, поэта, беллетриста нѣть притока свѣжихъ впечатлѣній. Сознаніе отрѣзанности отъ культурнаго міра, отъ Европы давитъ мучительнымъ ощущеніемъ неизбывной тюрьмы.

Передъ рождающейся темой, передъ вспылающимъ образомъ, передъ нанизывающимися желанными словами — стоитъ злой издѣвкой шенто: „Нельзя . . . этого писать нельзя . . .“ Вѣдь если — внезапный обыскъ, за это . . . Гороховая, за это — Чрезвычайка... Ибо, „каждый мыслящий иначе, да будетъ анаѳема“.

И умираютъ слова. Гаснетъ образъ. Распыляется тема.

Талантъ подлинный бьется, какъ рыба въ тетеряхъ. Духъ въ клѣткѣ. Мысль въ оковахъ. Талантъ теряетъ вѣру въ себя и угасаетъ. Не говоря уже о томъ, что писатель, поэтъ, переводчикъ художественныхъ произведеній въ любой день, въ любой часъ напряженной, срочной, необходимой для пропитанія работы, долженъ быть готовъ къ такимъ сюрпризамъ, какъ требованіе на окопныя работы, на сгребаніе снѣга, чистку улицъ. — Двѣ такихъ повѣстки мнѣ удалось привести черезъ границу.

„По приказанію начальника внутренней обороны Петрограда Домкомбѣдъ ставить васъ въ из-

вѣстность, что Вы назначаетесь сегодня, 2-е ноября на вторую сѣмьну работъ по укрѣплѣнію Петрограда. Явиться къ 1 часу дня въ 30-й участокъ Б. Пушкарская, 59. А. Ф. Даманской.

Вторая повѣстка лаконичнѣе.

„Списокъ мобилизованныхъ на 20-е ноября (вторая сѣмьна) въ домъ № 19 по Карповкѣ.

1) Дмитріева, Е. М.

2) Даманская, А. Ф.

И ходили. Тыкали заступами въ мерзлую землю. Скрѣпя сердце, ломали комедію рытвя какихъ-то окоповъ, которые похожи были на что угодно, только не на окопы. Изумлялись развязности и лицемѣрію, съ какой инженеръ и техникъ, руководившіе комедіей этихъ работъ, дѣлали нелѣпые, ни съ чѣмъ несообразныя указанія. И выполняли эти указанія, зная, какъ знали инженеръ и техникъ, что въ лучшемъ случаѣ эти окопы могли-бы остановить развѣ только нѣсколько поросятъ, если-бы, задавшись захватными планами, они двинулись-бы походомъ на сосѣдній огородъ.

Писатели, переводчики чистили улицы, сгребали снѣгъ, нагружали грузовики — сваленными на улицахъ нечистотами.

Привлеченіе къ общественнымъ работамъ интеллигентіи давало, конечно, весьма сомнительные результаты. Участіе непривычныхъ къ черной физической работѣ людей, нисколько не двигало этой работы впередъ, но, простужаясь и хворая, поэты, беллетристы, профессора теряли способность выполнять свою культурно-просвѣтительную, литературную работу, а замѣстителей на этой работѣ имъ не находилось.

Все заслонилъ, все поглотилъ вставшій передъ всѣми звѣрино-простой и жуткій вопросъ: „Какъ прокормиться? Какъ уберечь себя отъ холода?“. — Къ осени 1918 г. началась реквизиція „буржуазныхъ“ квартиръ.

Ф. Соллогуба изъ свѣтлой располагающей къ работѣ квартиры выселили въ холодную и сы-

ную, гдѣ съ трудомъ и въ одной лишь комнатѣ удавалось доводить температуру до 6-7 градусовъ.

А. Ремизовъ жилъ всю зиму въ одной комнатѣ при пяти градусахъ, по нѣсколько недѣль не снимая пальто и галошъ.

Въ такихъ-же условіяхъ жилъ А. Амфитеатровъ съ многочисленной семьей, Е. Замятинъ, М. Кузьминъ, А. Волынскій и друг. Пріѣзжавшіе изъ Москвы разсказывали, что тамъ хуже.

Вопросы о томъ, что кто пишетъ — звучали глумленіемъ, издѣвательствомъ. Никто не писалъ и никто о работѣ не думалъ.

Довлѣла одна мысль: какъ уберечь себя отъ холодной и голодной смерти, и больше ничего.

Судьбу автора, книги и читателя рѣшаетъ Государственное издательство, во главѣ котораго стоять люди съ весьма, весьма скромнымъ багажомъ знаній и литературнаго опыта.

Свою дѣятельность Государственное Издательство начало съ печатанія партійной литературы и классиковъ. Въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (за недохваткомъ бумаги) напечатаны по новой орѳографіи произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, — кромѣ „Дневника“ и „Бѣсовъ“, — произведенія Герцена, Успенскаго и Некрасова.

Современныхъ писателей, кромѣ двухъ, трехъ, заявившихъ о своей „солидарности“, — Государственное Издательство постановило не печатать Сологубъ, Мережковскій, Гиппіусъ, Замятинъ, Сергѣевъ-Ценскій и др., какъ не уловившіе ритма эпохи, остались за бортомъ.

Печатаніе произведеній покойныхъ уже писателей опредѣляется партійными соображеніями.

Одно изъ послѣднихъ постановленій Государственной Коллегіи — не печатать и не допускать къ печатанію сочиненій Михайловскаго, Злато-вратскаго и другихъ народниковъ.

Выборъ иностранныхъ писателей, на которыхъ Государственное Издательство останавливаетъ вниманіе, опредѣляется только бумомъ, созданнымъ вокругъ имени того или иного автора. Такой

бумъ создался вокругъ именъ Ром. Роллана и Барбюсса, — Государственное Издат. печатаетъ Ром. Роллана и Барбюсса.

Самодѣльная и переводная революціонная беллетристика, такъ называемые „соціальные романы“ — изданные Государственнымъ Издат. — ждутъ своего юмориста, если найдется когда нибудь такой, который пожелаетъ удѣлить вниманіе всей этой макулатурѣ, никому не нужной, но поглотившей много денегъ, много бумаги и много труда.

Спасительную роль въ существованіи русскихъ писателей играло послѣдніе два года издательство „Всемірная Литература“.

Писатели — беллетристы, поэты, художественные критики, лишившіеся возможности писать и печатать свои произведенія, стали переводить, редактировать переводы, писать къ нимъ примѣчанія и предисловія.

Издательство „Всемірная Литература“ объединило всѣхъ безъ исключенія русскихъ писателей, поэтовъ, переводчиковъ, библіографовъ, критиковъ, — и спасло ихъ отъ голодной смерти.

Работа въ этомъ издательствѣ ведется автономно — хотя оно и существуетъ на отпущенныя Народ. Ком. Просвѣщенія — средства. Ведется подъ руководствомъ редакціонной коллегіи, въ составъ которой входятъ: проф. Ф. А. Браунъ, А. Блокъ, А. Волынскій, Н. Гумилевъ, М. Горькій, Е. Замятинъ, К. Чуковскій и Н. Лернеръ.

Книгъ напечатано до сихъ поръ мало. Некому набирать и не на чёмъ печатать.

Но если когда-либо увидятъ свѣтъ всѣ эти превосходныя книги, тщательно переведенные такими литературными силами, какъ А. Блокъ, Н. Гумилевъ, А. Горнфельдъ, Ю. Бальтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ и другіе, книги, снабжены обстоятельными примѣчаніями и предисловіями такихъ знатоковъ западно-европейской литературы, какъ недавно умершій проф. Ф. Д. Батюшковъ, какъ проф. Браунъ, проф. Гревсъ,

А. Горнфельдъ, проф. Холодковскій, А. Кони и другіе, то вся эта работа и принимавшіе въ ней участіе, помянуты будутъ добрымъ словомъ.

Будемъ надѣяться, что работа эта станетъ общимъ достояніемъ при новомъ демократическомъ строѣ, въ нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ освобожденной отъ большевизма оздоровленной Россіи.

VII.

„Теперь“.

Трагическое мотто трагической эпохи.

Наиболѣе частое въ современной русской рѣчи слово, рисующее ликъ русской дѣйствительности—дѣйствительности нашихъ дней.

„Теперь“

Цѣлый строй новыхъ привычекъ и взаимоотношеній—сложились подъ знакомъ этого слова. Пожалуй, даже строй новыхъ понятій, казалось-бы, явленій внутренняго порядка, и предполагающихъ болѣе или менѣе продолжительное время для того, чтобы выявиться въ поддающуюся учету форму.

Теперь можно быть безвкусно, неряшливо, грязно одѣтымъ.... Кто съ этимъ считается—теперь? Многимъ ли доступна въ Россіи въ настоящее время здоровая физическая радость, чувство самоуваженія, какое дается свѣжимъ, чистымъ бѣльемъ, ванной, мыломъ, культурнымъ укладомъ повседневной жизни? Въ Россіи врядъ ли найдется теперь на тысячу человѣкъ — одинъ, привилегированный, имѣющій возможность каждый день мыть руки, какого-то поразительного состава прачечнымъ мыломъ.

Теперь можно ють вещи, которыхъ раньше хорошіе хозяева не рѣшались давать псамъ и свиньямъ. Кормовая свекла, даже гнилая, даже мерзлая свекла — давно стала деликатесомъ въ Россіи. Кто можетъ привередничать—теперь?

Слабые здоровье, малокровные, страдающіе хроническими болѣзнями люди, несущіе многочисленныя обязанности, (но не стоящіе у власти

коммунисты) продѣлываютъ по 15—20 верстъ петроградскихъ и московскихъ концовъ. Кто можетъ разсчитывать теперь на исправность трамваевъ, на автомобиль, на извощика? Теперь перегораетъ въ горькихъ мукахъ привязанность къ близкимъ людямъ, потребность заботиться о близкихъ: семьи расчленены, разметаны... Въ странѣ, терзаемой гражданской войной, одна губернія дальше отъ другой, чѣмъ Новая Зеландія отъ Парижа, или Нордъ-Капъ отъ Палермо.

Теперь, уходящіе изъ жизни уносятъ съ собою и то единственное, что могло бы сколько нибудь возмѣщать остающимся — тяжесть утраты: скорбь объ умирающихъ. Животный инстинктъ самосохраненія, звѣриный страхъ за завтрашній холодный, голодный день скверно и подло глушилъ чувство тоски.

Теперь — можно взять въ долгъ съ тѣмъ, чтобы не отдать. Кто взыщетъ съ голодающаго?

Теперь можно продать чужія вещи, взятая на храненіе. Кто попеняетъ голодающему съѣвшему ломоть хлѣба, съ которымъ онъ оставленъ на цѣлые сутки одинъ на одинъ?

Понятія о собственности прошли основательный стажъ, лозунгъ „грабь награбленное“ претворился въ самооправдывающее: „Не возьму я — возьметъ другой“

Кто зачтеть въ вину — теперь?

Теперь можно обсчитать, обмѣрить, обмануть, надуть, подсунуть фальшивыя деньги... Кто, гдѣ, съ кого взыщетъ — теперь?

Теперь можно скверно обругать, грубо оборвать, задѣсть, уязвить — кто считается теперь съ требованіями учтивости, деликатности, взаимнаго вниманія? Какія могутъ быть взаимныя человѣческія обязательства — теперь?

Товарищеская солидарность, гуманность, чувство справедливости — кто можетъ разрѣшить себѣ роскошь благородства — теперь?

Близкаго вамъ человѣка повѣсили. Негодуйте — васъ тоже повѣсять. Друга вашего схватили ночью по какому то нелѣпому подозрѣнію и бросили въ тюрьму... Возмущайтесь: васъ тоже схва-

• тять и бросять въ тюрьму. Вы узнали, что въ лагерѣ принудительныхъ работъ безвинно — арестованныхъ морятъ голодомъ ившами. Порицайте: вы раздѣлите ихъ участъ.

„Недовольство и порицаніе совѣтской власти должны караться по всѣмъ строгостямъ закона такъ же, какъ заигрываніе съ зарубежными контрреволюціонерами. (Изъ рѣчи Ленина, произнесенной имъ въ послѣднихъ числахъ августа, въ засѣданіи Московскаго Исп. Ком.).

Теперь можно кое-какъ сшить платье, кое-какъ прочесть лекцію, кое-какъ починить швейную машину, (въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда находится мастеръ, который не гнушается такимъ маленькимъ дѣломъ и если у этого мастера оказывается материалъ, которымъ онъ можетъ такое непочетное дѣло выполнить). Теперь можно кое-какъ сыграть сонату Бетховена и кое-какъ сдѣлать набойки на каблукі... Кто задержитъ вниманіе на этомъ — теперь?...

Пѣвица съ большимъ европейскимъ именемъ пѣла въ одномъ изъ концертовъ въ честь III-го Интернаціонала романсы, названные въ афишахъ „Революціонными романсами Шумана“. Вступительное слово къ этому концерту, на которомъ исполнялись также „революціонное тріо Мендельсона“ — и „революціонная соната Обера“, — произнесла товарищъ Ядвига, не очень твердая въ правописаніи барышня, секретарь библіотечной комиссіи.

Пѣвица съ крупнымъ европейскимъ именемъ не могла протестовать противъ развязной приставки „революціонный“ — къ романсамъ Шумана, какъ не могла протестовать противъ той-же приставки піанистка, исполнявшая Шопена...

До художественнаго-ли исполненія было этимъ артисткамъ, мобилизованнымъ для этого концерта, какъ мобилизуютъ каждый день десятки другихъ артистовъ для другихъ зрѣлищъ? Кое-какъ спѣли, кое-какъ сыграли — и съ плечъ долой.

Что-то и гдѣ-то, въ какой температурѣ, при какой акустикѣ, въ какомъ „балтѣ“, „райкомѣ“, „лѣскомѣ“, „главбумѣ“ — придется играть и пѣть.

завтра? Потому, что красноармейцевъ и матросъ развлекать надо безпрерывно: они не очень сыты...

Нѣть вѣры въ то, что исполняемое дѣло кому-нибудь нужно, что оно получить должна оцѣнку. Умираетъ чувство уваженія къ своему дѣлу и распѣляется изо-дня въ день—лучшее достояніе человѣка: уваженіе къ самому себѣ.

Каждая работа, исполняемая программно, по предписанію, по принужденію — сопровождается девизомъ, вылившимся изъ взаимоотношений совѣтской власти и тружениковъ всѣхъ профессій: „Дать какъ можно меньше, взять какъ можно больше“. — И у наиболѣе щепетильныхъ, не чуждыхъ еще такимъ архаическимъ понятіямъ, какъ долгъ, честность, добросовѣтность — самооправдывающая, ставшая стереотипомъ фраза: „они взяли у насъ такъ много, мы получаемъ взамѣнъ такъ — мало“. Какія могутъ быть сомнѣнія, колебанія—теперь?

Прачка, знаменитая, колоратурная пѣвица, портниха, актриса, профессоръ, лудильщикъ посуды, всѣ безъ исключенія объединены однимъ общимъ мертвящимъ словомъ: „теперь“...

Дѣти занимаются кое-какъ, преподаватель пропускаетъ уроки... О, Господи, теперь!... Изъ дома упливаютъ привычныя для глаза вещи, любимыя книги, вещи, которая спаялись съ сердцемъ. Кто можетъ считаться съ ссадинами, которая оставляеть въ душѣ каждая уносимая изъ дому на рынокъ, или спекулянтомъ вещь. Теперь...

Дѣти, немногіе рождающіеся дѣти, являются на свѣтѣ величиною съ столовую ложку. Въ большинствѣ случаевъ умираютъ. Вздохъ облегченія: растить дѣтей — теперь...

Усталость, упадокъ силъ, упадокъ воли къ жизни, безнадежность и отчаяніе.

Таково это „теперь“—русской жизни.

Въ какое оно выльется—потомъ?

Страшнымъ призракомъ стоять передъ нами этотъ вопросъ...

Содержание:

1. „Они“.
 2. Школа.
 3. „Здравоохранение“.
 4. Наука въ Совѣтской Россіи.
 5. Борьба съ преступностью въ Совѣтской Россіи.
 6. Искусство и литература.
 7. Теперь.
-